

КИТАЙСКАЯ ВАЗА

ДЖ. С. ФЛЕТЧЕР

КАРЬЕРА ПРЕСС

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

1. Шаги в ночи	1
2. Дядя Джозеф Кревин	11
3. Подлое дело	21
4. Леди из Грейнджа	31
5. Человек из Скотленд-Ярда	41
6. Трактир «Краб и лобстер»	51
7. Линия прилива	61
8. Ваза Кан-Хэ	71
9. Мастер на все руки	81
10. Том Скрипчур	91
11. Корзина для рыбы	101
12. Розово-лиловая пижама	111
13. Последствия тщеславия	121
14. Допрос	131
15. Остров Мелси	141
16. Смуглая рука	150
17. Затопленная лодка	159
18. На этот раз нож!	169
19. Разбитая ваза	178
20. Мягкосердечный моряк	187
21. Я слышу странные вещи	197
22. Алое пятно	207
23. Честь семьи	218

ШАГИ В НОЧИ

Полагаю, первое, что следует изложить в этой истории черного преступления (в которой придется надлежащим образом зафиксировать немало загадок и некоторую долю любовных перипетий), — это факт, что около четырех часов одного весеннего дня, случившегося лет десять тому назад, Нэлли Аппс, доставлявшая скромную почту нашего района, оказалась у нашей садовой калитки с тем, что мы получали крайне редко, — с телеграммой. Я сидел на крыльце, когда она пришла, в кресле, так как в тот день первый или второй раз после болезни, поразившей меня незадолго до окончания школы и отложившей начало моей карьеры в качестве стажера у адвоката Филбрика в Кингсхейвене, спустился вниз и выбрался на свежий воздух. Именно я взял у нее конверт. Но едва он оказался у меня в руках, как тут же исчез из них: моя сестра Кезайя, старше меня на двадцать лет, услышав щелчок калитки и увидев Нэлли Аппс из окна гостиной, в одно мгновение оказалась в прихожей, распахнула входную дверь и выхватила конверт у меня из рук прежде, чем можно было досчитать до двух. Она стала тут же разрывать его, но заговорила, не дожидаясь, пока развернет бумагу.

— Бен! — воскликнула она своим резким, решительным тоном. — Уж не заболела ли миссис Хозиер?

Миссис Хозиер была лучшей подругой Кезайи, она жила в нашей деревне, но недавно вышла замуж и переехала в Кингсхейвен. В моем возрасте — в восемнадцать — я ничего не понимал, как полагала Кезайя, в подобных материях, но у меня было подозрение, что мистер и миссис Хозиер ожидали появления на свет, возможно, сына и наследника, а если нет — то хотя бы дочери. Меня охватило смутное предчувствие, что это событие либо уже произошло, либо вот-вот произойдет, когда Кезайя развернула лист, вынутый из конверта. Однако она не предоставила мне никакой точной информации; ее ястребиные глаза пробежали сообщение, а длинные пальцы смяли бумагу и в одно мгновение спрятали в карман. Она обернулась к Нэлли Аппс, которая стояла среди мальв, с любопытством наблюдая за происходящим.

— Не нужно ждать! — сказала она резко. — Ответа не будет.

Когда Нэлли удалилась по садовой дорожке, Кезайя повернулась ко мне, на этот раз более спокойно.

— Бен! — продолжила она. — Мне придется ехать в Кингсхейвен! И немедленно! Я обещала и должна сдерживать обещание! Я пробуду там до утра, а возможно, и часть завтрашнего дня, — добавила она. — Я могу на тебя положиться, Бен?

— Положиться? — удивленно переспросил я. — Да в чем дело?

Она огляделась, словно опасаясь, что дрозды могут нас подслушать, и понизила голос до почтительного шепота.

— Семейное серебро! — сказала она. — Я еще ни разу не оставляла его без присмотра! А если с ним что-то случится...

Она замолчала, а я с изумлением смотрел на ее высокую, худощавую фигуру, удивляясь — даже в моем возрасте, — как взрослая женщина может быть настолько одержима. Семейное серебро было для Кезайи словно старик из морских глубин: сомневаюсь, что хотя бы одна ночь прошла без тревог за его сохранность. Не раз, наблюдая, как она проверяет замки, засовы и запоры, я желал, чтобы это семейное серебро оказалось на дне морском. Она говорила о нем так, словно оно было невероятной ценности, в то время как на самом деле состояло из серебряного чайника, молочника и сахарницы, шести больших и шести малых вилок, шести больших и шести малых ложек, дюжины чайных ложек и пары половников. Конечно, серебро принадлежало нашей прабабке или прапрабабке, и Кезайя утверждала, что оно было изготовлено в эпоху королевы Анны, но, даже принимая все это во внимание, я не видел причин, по которым наша жизнь должна быть омрачена постоянной тревогой за его сохранность под нашей старенькой крышей. Вероятно, я ответил Кезайе скорее сухо и с оттенком иронии.

— Шансов ноль, Кезайя! — сказал я. — Ты его так оберегаешь!

Я имел в виду хитрые предосторожности, которые Кезайя предпринимала для защиты семейного серебра. Оно лежало, завернутое в многочисленные слои мягкой бумаги и рулоны замши, в дубовом ящике с железными уголками и двойными замками, который был прочно прикреплен к полу в спальне Кезайи, прямо под ее кроватью. Сам дьявол вряд ли смог бы добраться до этого серебра, пока Кезайя находилась поблизости, а она всегда находилась поблизости — Кезайя была из тех женщин, у которых никогда не бывает выходных и которые почувствовали бы себя совершенно несчастными, случись у них выходной.

— Я знаю, знаю! — быстро согласилась она. — Конечно, когда обладаешь такими фамильными реликвиями, как наши, нужно быть очень осторожным! Но пообещай мне, Бен, что ты не выйдешь за порог, пока я не вернусь, и что будешь держать обе двери на замке!

— Это я могу легко обещать, Кезайя, — сказал я, взглянув на свои ослабленные ноги. — Я и до калитки нашего сада-то вряд ли дойду!

— О, но скоро ты будешь ходить, Бен! — ответила она ободряюще. — Ты поправляешься замечательно, и эта чудесная весенняя погода пойдет тебе только на пользу. Сегодня ты гораздо крепче, чем был вчера, — я бы не оставила тебя, если бы не была в этом уверена, даже ради миссис Хозиер. И ты справишься — сможешь приготовить себе ужин сегодня и завтрак утром, а если я задержусь, то и обед сам осилишь. Но ты не выйдешь из дома, Бен?

— Можешь не сомневаться, Кезайя! — заверил я ее. — Не выйду!

— Тогда давай выпьем чаю, я все приведу в порядок, а потом соберусь и успею на шестичасовой поезд, — сказала она. — Мне совсем не хочется уезжать, Бен: я вообще не люблю покидать дом. Но если пообещал другу быть рядом в трудный час...

— Миссис Хозиер в беде? — спросил я.

— Ну, узнаешь, когда вернусь, — ответила Кезайя. — Может, все закончится радостью, но в любом случае мне надо ехать. Только сначала чай.

Мы выпили чай, и, будучи человеком дотошным во всех делах, Кезайя тщательно вымыла посуду и убрала на место, прежде чем переодеться в свои лучшие наряды, в которых она выглядела необычно, так как носила их крайне редко. Перед отъездом она еще долго суетилась, проверяя замки на дверях и окнах, осыпая меня множеством

наставлений и предостережений — начиная от того, что делать, если появятся воры, и заканчивая важностью принятия лекарств строго по времени и в указанной дозе. Я был рад, когда наконец, с зонтиком в одной руке и старомодной сумкой в другой, она поспешно удалилась, направляясь на поезд к миссис Хозиер. Она была чудесной женщиной, моя сестра Кезайя, но в ней было больше Марфы, чем Марии, и дом стал удивительно тихим, когда ее странная шляпка скрылась за изгородью сада. Вечер выдался по-настоящему весенним, и я все сидел в своем кресле на крыльце, увитом жасмином. Рядом были книги и газеты, но я не притронулся к ним — передо мной были вещи куда более интересные. Наш старый дом, в котором, по словам Кезайи, родились и умерли по меньшей мере девять поколений семьи Хекиттов, представлял собой причудливый пережиток прошлых времен. Он стоял в самом центре полукруглой береговой линии, которая простиралась от высоких утесов на западе до длинного, пологого мыса на востоке. Море подходило вплотную к нашему саду — всего в пятидесяти метрах; а в километре от берега находилась песчаная отмель, которая днем обозначалась белой полосой прибоя, а ночью — сигнальным огнем. За отмелью простиралась бескрайняя ширь Ла-Манша. Наша деревня, Мидлборн, находилась позади дома — фермерские постройки и коттеджи, разбросанные то тут, то там, через которые проходила главная дорога из Лондона в Кингсхейвен. Но для нас деревня как будто и не существовала — мы жили на отшибе, и из окон и сада можно было видеть только три объекта, связанные с человеческой деятельностью, причем два из них относились к далекому прошлому. Прямо напротив нашего дома в блестящую гладь вдавался песчаный мыс, в конце которого возвышалась группа черных гладких скал. На этих скалах

стоял крепкий столб темного дерева, схваченный тяжелыми железными обручами и прочно прикрепленный железными подпорками к скале; на вершине столба была перекладина, с которой свисал старый фонарь, и его иногда зажигали. Но в старые времена на этом столбе вешали людей — пиратов, контрабандистов, убийц, и их тела болтались в цепях, пока не разлагались и не падали на скалы, омываемые волнами. Отсюда и местное название — Гэллоустри-пойнт*. Жуткое, мрачное место, особенно в лунные ночи! Неподалеку было другое, не менее жуткое — развалины приливной мельницы, давно заброшенной и теперь разрушенной потоками воды, которые когда-то крутили ее колесо. Эти места хранили воспоминания о мертвых, но на дальнем конце полукруглой бухты стоял дом, в котором жили живые люди. Это был уединенный старинный особняк, некогда ферма, теперь превращенная в жилище под названием Мидлборн-Грейндж. Дом был окружен морем с одной стороны и широким рвом с трех других; массивная стена ограждала его со всех сторон, и внутри этой стены в два ряда стояли высокие вязы, защищая и затеняя дом. Единственный вход был через мост надо рвом и дверь в стене. Он выглядел замкнутым и таинственным, этот дом, окруженный стеной и рвом. Его нынешнюю хозяйку никто из нас не знал. Известно было только, что она средних лет, звать ее мисс Эллингем, прибыла из Лондона, держит слуг-мужчин и трех или четырех горничных и что у нее гостит племянник, почти моего возраста. И я тайне ревновал, так как подозревал, что он поглядывает на мою девушку, Пепиту.

Пепита была дочерью — и единственным ребенком — капитана Лукаса Мариголда, вышедшего в отставку и жив-

* Виселичный мыс.

шего в опрятном небольшом доме в городке. У него был милый тенистый сад, где возвышалась высокая мачта, с которой он вывешивал флаги, и стояла беседка, в которой он любил потягивать грог, курить трубку и травить морские байки. Загорелый, морщинистый старик, который, как мне кажется, женился поздно — во всяком случае, он был уже в возрасте, когда на свет появилась Пепита. Ведь Пепите на момент моего рассказа было всего семнадцать лет — и очень милых семнадцать. Мать ее была испанкой, и Пепита больше походила на нее, чем на капитана Мариголда, хотя в молодости он, несомненно, был видным мужчиной. Пепита была смуглой красавицей: темные волосы, темные глаза, чудесная кожа. И пусть кто угодно твердит, что юноши в восемнадцать лет не способны влюбиться, — пусть себе лжет! Мне как раз было восемнадцать, и я был безумно влюблен в Пепиту и из-за этого по-настоящему страдал. Пепита была из тех девушек, которые счастливее всего, когда вокруг них вьется не один, а полдюжины влюбленных юношей, и почти каждый молодой человек в нашей округе начал уделять особое внимание своим галстукам и носкам, покрою костюма и правильному пробору волос — все потому, что Пепита Мариголд выглядела так, что можно было сойти с ума от восторга при одном только взгляде на нее.

Пока я сидел на крыльце, подошла Пепита. Она навещала меня пару раз в последнее время, когда я пошел на поправку, но ее последний визит был добрую неделю назад, и с тех пор я изводил себя мыслями о том, чем она занята: может быть, катается на лодке с сыном пастора, может, собирает птичьи гнезда с сыном сквайра, а может, племянник мисс Эллингем, Брайс, заманил ее на рыбалку. Однако на лице Пепиты не было ни малейших признаков беспокойства: она выглядела такой же беззаботной и сво-

бодной, как всегда. Завидев меня, она толкнула садовую калитку и направилась по дорожке.

— Привет, Бен! — воскликнула она. — Ты снова на ногах? Ура!

— Не так чтобы совсем, Пепита, — ответил я. — И двадцати метров не смогу пройти.

— Ну же! — сказала она. — Пойдем на мыс, тебе это будет на пользу!

— Не могу, — ответил я и рассказал почему, не забыв упомянуть наставления Кезайи о фамильном серебре. Глаза Пепиты широко раскрылись.

— Ну и дела! — воскликнула она. — Ты должен провести всю ночь один в этом старом огромном доме, Бен? Я бы умерла от страха!

— Да брось ты! — сказал я. — Пустяки. Если и услышу что, так только крыс.

— Это тоже ужасно! — заметила она. — А вдруг придут грабители? Тебе нужно ружье, как у моего отца! Оно точно разнесет полдюжины грабителей на кусочки одним выстрелом!

— И меня заодно, — усмехнулся я, представляя себе громоздкую мушкетонку, висевшую у капитана Мариголда на балке в гостиной. — Нет, Пепита, я, пожалуй, обойдусь. Да и какие тут грабители.

— Ну а призраки, Бен? — настаивала она. — Призраки! Как по мне, это самое подходящее место, чтобы увидеть парочку. — Она вытянула шею, оглядывая плющ, обвивший фасад дома. — Это твоя комната? Над крыльцом? Значит, если ты смотришь из своего окна, то видишь Гэллоустри-пойнт и тот старый висельный столб? О боже, а если при свете луны! Да если бы я это увидела, то заорала бы так, что заглушила любую сирену или туманный горн в канале!

— Ты ребенок, Пепита! — сказал я снисходительно. — Забыла, что я мужчина?

Вместо того чтобы посмеяться надо мной, она внимательно глянула на меня из-под широких полей своей шляпы.

— Ты вырос, Бен! — вдруг сказала она. — Ты теперь выглядишь как молодой человек, а не как мальчишка. Точно! Будешь по воскресеньям носить фрак!

— Уже заказан! — гордо ответил я. — Все юристы носят фраки — это этикет. И цилиндры. Его тоже заказали. Вот подожди, окрепну и начну ходить в контору в Кингсхейвене каждый день! Да ты меня не узнаешь!

— О нет, узнаю, Бен, малыш! — усмехнулась она с беспощадной прямоотой семнадцати лет. — У тебя же курносый нос, куча веснушек и рыжеватые волосы! Но я бесконечно рада, что ты выздоравливаешь, старина, и я приду и выведу тебя на простор — жди меня завтра, Бен, прогуляемся!

С этими словами и с одной из своих чарующих улыбок Пепита удалилась. С уходом Пепиты свет дня словно погас — и я неохотно вернулся в дом и, повинувшись строгим ритуалам Кезайи, запер входную дверь, зажег лампу в гостиной. Именно в этот момент, как мне кажется, я начал осознавать, что дом, как справедливо заметила Пепита, действительно был старым, с замысловатыми переходами, и остаться в нем совершенно одному было несколько дико.

Однако дел хватало, а в таких обстоятельствах любое занятие приносит облегчение. Я приготовил ужин и, будучи с младенчества воспитанным Кезайей (мать умерла, когда я был еще в колыбели), перемыл чашки, тарелки и блюда после того, как поел, и убрал их каждое на свое место в кухонном шкафу — Кезайя, будучи настоящим педантом

в домашних делах, никогда не считала это за труд, она не легла бы спать, если даже такая малость, как чайная ложка, осталась бы не вымытой на ночь. Покончив с этим, я принял лекарство и сел возле угасающего камина в гостиной, почитать. А старый дом становился все тише и тише — эту тишину можно было буквально почувствовать. Если бы Кезайя неожиданно вернулась, я был бы даже совсем не против, заведи она на целый час свою историю о фамильном серебре, его пробах и истории.

К девяти часам вечера эта тишина мне окончательно наскучила, и я отправился спать. Будучи еще слабым после болезни, я быстро заснул — провалился в сон внезапно. Но проснулся еще внезапнее — и услышал два отчетливых звука. Один из них был привычным — старинные напольные часы били полночь, двенадцать долгих, глухих ударов. Этот звук меня не смутил. Но вот второй — шаги, осторожные, но безошибочно различимые, — заставил меня насторожиться. Я сел в постели, напряженно вслушиваясь и, не стыжусь признаться, обливаясь холодным потом от страха. И ужас накрыл меня, как никогда прежде, когда шаги остановились прямо у нашего крыльца.

Дядя Джозеф Кревин

Если принять во внимание все обстоятельства, не приходится удивляться, что я испугался. Прежде всего я был слаб, физически слаб после долгой болезни: у меня не хватило бы сил справиться даже с ребенком. Я был один в доме, который, несмотря на все засовы, задвижки и замки на окнах, вполне можно было взломать. Дом наш стоял уединенно; ближайший находился метрах в двухстах. И кто, кроме злоумышленника, мог явиться сюда посреди ночи? Это не могла быть Кезайя, вернувшаяся неожиданно; Кезайя кинула бы в мое окно камешком и окликнула. Это не мог быть Веллер, местный полицейский, — топот его ног был бы слышен за километр. Кто бы ни был этот человек, он ступал мягко, не совсем, конечно, бесшумно, как кот, но почти. Кто он и чего ему надо? Я отчетливо слышал его шаги на последнем отрезке дорожки, ведущей от садовой калитки к крыльцу. Затем снова наступила тишина; без сомнения, он осматривал замки на входной двери. Я представил его — а в те дни у меня было богатое воображение — склоненного над замком в лунном свете, ощупывающего дверную ручку, возможно, размышляющего, как проникнуть внутрь. Но внезапно я услышал, как он уходит. В этом не было сомнений — он удалялся

по садовой дорожке. Я выскочил из теплой постели и, поспешив к окну, отодвинул занавеску и выглянул в ночь. На небе висела трехчетвертная луна, прямо над заливом, но, возможно, из-за жары днем и вечером берег и сад окутал густой белый туман, клубившийся вокруг деревьев и кустов. Однако я увидел ночного гостя; по крайней мере, уловил его силуэт, когда он исчез у калитки. Он показался мне крупным мужчиной, широкоплечим; возможно, туман делал его более внушительным, чем он был на самом деле. Он шагнул в туман и растворился в нем, направляясь неспешно в сторону песчаной косы, ведущей к Гэллоустри-пойнт.

Я подумал было зажечь лампу и поставить ее у окна, чтобы человек этот, кто бы он ни был, понял, что дом не пустует. Но, немного поразмыслив, решил, что он может воспринять это как приглашение вернуться. А я не хотел его возвращения, по крайней мере, до рассвета. Так что я снова лег в постель, но, конечно, долго лежал без сна, вслушиваясь в тишину. Однако ничего, кроме слабого плеска волн о берег и редкого крика морской птицы, не было слышно. В конце концов я уснул и спал крепко, а когда проснулся и спустился на полпролета по лестнице, чтобы взглянуть на наши часы, было почти семь, и благословенное солнце стояло высоко в небе и весело сияло над берегом и морем.

Не было никакой нужды вставать; я мог бы пролежать в постели до полудня, если бы захотел. Но ко мне возвращались силы и бодрость духа, а свежесть весеннего утра побуждала к действию. Я оделся, развел огонь на кухне и поставил чайник, а к восьми часам снял тяжелые засовы с входной двери и выглянул в сад. И тут меня ждал сюрприз, который потряс меня до глубины души. По левую руку от крыльца на скамейке лежал саквояж — странный,

потрепанный, старомодный, с потертой кожей и побитыми, заржавленными замками; другими словами, саквояж, повидавший виды. Это была сумка, которую легко можно нести в руке, она была небрежно перевязана обычной бечевкой, словно говоря, что содержимое не представляет никакой ценности и что все сойдет для того, чтобы закрыть ее.

Не было никаких сомнений в том, что эту странную поклажу оставил у крыльца мой ночной гость. Я не стал трогать ее, но вышел на крыльцо и осмотрел поближе. На ней были выведены инициалы, черные, должно быть, когда-то, но теперь они почти стерлись. И повсюду следы старых наклеек и бирок. Однако не было ничего свежего; ничего, что могло бы подсказать, кому она принадлежит или откуда прибыл ее владелец. Однако он точно пришел напрямиком к нашей двери, как я мог понимать, оставил свою ношу и ушел.

Я размышлял обо всех этих «зачем» и «почему», когда услышал тяжелый, хорошо знакомый шаг на гравийной дорожке за забором. Это был Веллер, направлявшийся домой, он проходил здесь каждое утро. И вот его круглое красное лицо показалось над забором, он увидел меня и улыбнулся — Веллер был из тех людей, что улыбаются непрерывно.

— Доброе утро, мастер Бен! — сказал он. — Рад видеть, что вы снова на ногах!

— Благодарю, — ответил я. — Но подойдите сюда, Веллер.

Он открыл калитку и двинулся по дорожке, его маленькие глаза выражали внимание. Я молча указал на предмет на скамейке.

— А! — воскликнул он. — Вот так-то! Вижу — сумка! И что же она может означать, мастер Бен?

— Веллер! — сказал я. — Послушайте меня. Моя сестра уехала; ей пришлось уехать минувшим вечером в Кингсхейвен, к миссис Хозиер...

Он кивнул понимающе, и его улыбка стала шире, будто от огромной радости.

— А! — перебил он меня. — Именно так, именно так! Я встретил мистера Робинсона вечером, когда он возвращался на последнем поезде из Кингсхейвена. Миссис Хозиер, знаете ли, вчера она подарила своему мужу двойняшек. После обеда, сказал мистер Робинсон, в пять часов. И все было в порядке, все они в порядке. Двойняшки — мальчик и девочка!

— О! — сказал я. — Так вот, как бы то ни было, туда поехала моя сестра, и я всю ночь был один в доме, понимаете, Веллер? А около полуночи я услышал шаги, вот по этой дорожке. Они остановились здесь, у крыльца. Затем удалились. Я вскочил с постели и увидел, как мужчина выходит из сада и направляется к Гэллоустри-пойнт. И вот сегодня утром — прямо сейчас на самом деле — я обнаружил этот саквояж здесь, где вы видите его. Как вы это объясните, Веллер?

Он задумчиво почесал красное правое ухо.

— Что ж, надо сказать, это очень странно, мастер Бен! — сказал он. — Вы, случаем, никого не ждали — какого-нибудь гостя, скажем?

— Нет! — ответил я. — Никого!

— Похоже, что тот, кто оставил этот саквояж, знал, где находится этот уголок, — заметил он, размышляя. — Вот он приходит, прямо сюда, ставит свою поклажу и уходит! Куда? И с какой целью? Так-то!

— Вот именно! — сказал я. — Куда он пошел? Вернется ли? Что бы вы сделали, Веллер, если бы были на моем месте?

Он еще раз почесал ухо, а затем улыбнулся, как если бы его озарила величайшая мысль.

— Вот оно! Точно! — ответил он. — А! Если бы это был я, мастер Бен, я бы позавтракал! Пусть все подождет, пока само не разрешится, так сказать. И сумка пусть остается там, где есть. Потому что ведь никогда не знаешь, что может быть в багаже такого рода. Может быть, этот парень — моряк. А я знал морячков, которые возили чудные вещи в своем снаряжении! Змей! Я бы даже не открывал эту сумку — вдруг там гремучая змея! Лучше займитесь завтраком, мастер Бен, а если этот таинственный субъект вдруг возвратится и возникнет нужда вызвать представителя власти — ну вы знаете, где меня найти!

Он произнес последнюю фразу со зловещей торжественностью и величественностью, как если бы его слова действительно придавали важность всей ситуации, и мы разошлись, не нарушив того эффекта, который он произвел. Он пошел к своему дому, а я — на кухню, готовить завтрак. Как обычно, я оставил входную дверь распахнутой, и, только сковорода с беконом начала шипеть, а вода для яиц почти закипела, я услышал шаги, приближающиеся по садовой дорожке. Я выглянул из кухни и глянул в прихожую... На крыльце стоял мужчина. Он не заметил меня, так как был полностью сосредоточен на саквояже. Я вгляделся в него. Я был почти уверен, что это тот самый человек, которого я видел в окно ночью: его плечи казались знакомы. Он был высоким, под метр восемьдесят, не иначе, и крепко сложен, и его размеры подчеркивал широкого покроя костюм синего цвета. На голове у него была большая, небрежно сдвинутая шляпа, а в руках — странная, не английская трость; на жилете висела массивная золотая цепочка, а на воротнике была приколотая золотая булавка. В общем-то, все в нем говорило как о человеке солидном,

основательном, обеспеченном. Что касается лица, которое он повернул в мою сторону, то оно было таким же массивным, как его тело, гладко выбритое, бледное, расплывшееся. В центре маленький носик, маленькие серые глаза с хитринкой и маленький стиснутый рот, но крупный подбородок и щеки — мои инстинкты начинающего адвоката подсказывали, что этот человек из тех, с кем следует вести себя крайне осторожно.

Я подошел к нему, и, заметив меня, он слегка вздрогнул. Было ли это тщательно продуманное движение, чтобы обмануть, или настоящий испуг от неожиданности — мне было трудно решить. И в тот момент, когда он вздрогнул, он выдал неопределенный звук — скорее, что-то вроде почти ласкового бормотания. Но я был полон решимости.

— И? — спросил я. — Что вам угодно?

Его ответ был одновременно удивительным и неприятным. Он внезапно протянул огромную, рыхлую руку и схватил меня за подбородок, поворачивая лицо то так, то сяк. Все произошло мгновенно, и он заговорил с такой же быстротой.

— О да! — сказал он жирным, слащавым голосом. — Конечно! Точно. Несомненно, Хекитт! Узнаю его везде!

— Я — Хекитт! — заявил я, отстраняясь от него. — А кто вы?

Он величественно кивнул мне три раза, и, когда ответил на мой вопрос, его голос стал еще более слащавым.

— Твой дядя, Джозеф Кревин, парень, вот кто я! — ответил он. — Единственный брат Джо твоей бедной матери, которого она так любила. Ты, верно, слышал обо мне? От сестры своей, Кезайи?

— Никогда! — возразил я. — Никогда не слышал, чтобы Кезайя говорила о вас хоть раз!

Лицо его приняло выражение, будто его оскорбили до глубины души. Но что-то вроде святой кротости появилось на его лице, прикрыв боль.

— Ну что уж тут скажешь, — сказал он, — родня, мил человек, не всегда такая, какой мы ее хотели бы видеть. Но послушай, парень, скажу тебе кое-что, и поймешь, что я не просто так болтаю. Вон там, в гостиной, как войдешь, слева, стоит старинное бюро. На нем — две семейные Библии. Одна в черной коже, другая в красной. Черная — это Хекиттов фамильная Библия, а красная — Кревинов. И вот в той, что Кревинов, ты найдешь меня — Джозефа Кревина. А в обеих найдешь свою мать — Ханну Кревин, что за Хекитта замуж вышла. Твой отец — Чарльз Хекитт. А я — дядя Джозеф Кревин, можешь звать просто дядей Джо, если хочешь, — и, конечно, Кезайя меня помнит, даже если и не рассказывала. И где же Кезайя? Моя племянница Кезайя. Которую я не видел столько лет, что уж и не припомню сколько, — чудесная девушка, Кезайя, и самая красивая в нынешних краях была, когда я в последний раз здесь появлялся!

Он произнес эту последнюю фразу так громко, словно надеялся, что Кезайя непременно услышит это приношение ее обаянию, и его маленькие глазки скользнули по коридору мимо меня. Но я охладил его восторженный пыл — или игру на публику.

— Кезайи сейчас нет дома, — сказал я, все еще стоя в дверях. — И не знаю, когда вернется.

— Но ты-то дома, парень! — резко возразил он. — И я чувствую запах бекона и кофе! Разве ты не пригласишь своего дядю Джо, что был любимцем твоей бедной матери? Хекитты, помнится, всегда славилась своим гостеприимством, и...

— Кезайя не разрешает мне приглашать кого-либо в

дом в ее отсутствие, — сказал я. — Но раз вы родственник...

— Да-да, тут нет сомнений! — быстро перебил он. — И знаешь, парень, — добавил он с внушительной гримасой, — не бедный! Как ты поймешь к своей же выгоде, а в наши дни это что-то да значит! А как звать-то тебя, скажи, а то уж так давно не был в этих краях, что и немудрено, что подзабыл.

Я назвал свое имя, пригласил его войти и положил еще бекона в сковороду и добавил пару яиц в кастрюлю. Он сел рядом с очагом и стал наблюдать за мной, время от времени делая замечания об обстановке, которые показали мне, что он неплохо тут ориентируется.

— Эх, старый дом не изменился ни на йоту, племянник Бен! — сказал он, подтягивая свой стул к столу. — Как только я его увидел, сразу понял, что он такой же, как прежде!

— Это когда вы приходили ночью на крыльцо? — заметил я, не скрывая любопытства. — Я вас слышал! И видел!

Но едва я произнес эти слова, как понял, что слишком поспешил с выводами. Он положил нож и вилку с выражением удивления.

— Я? — воскликнул он. — Нет, парень! Ты меня не видел и не слышал ночью на крыльце! Сказать почему? Да потому что меня там не было!

— А разве эта не ваша сумка на крыльце? — спросил я. — Не может быть!

— Сумка моя, и ничья другая! — ответил он серьезно. — Но не я ее там оставил, парень. Видишь ли, у меня тут были дела с одним человеком поблизости. И когда я приехал из Лондона и сошел на станции, я передал сумку мужчине, который ехал со мной последнюю часть пути и сказал, что хорошо знает эти места. Он пообещал оставить ее здесь, у Хекиттов. Так что ты его видел.

— Странно, что он пришел так поздно, — заметил я. — В полночь!

— Ну да, я дал ему сумку после десяти, — ответил он. — Поздний поезд, понимаешь ли. Нет, меня не было здесь ночью, Бен, мой мальчик! Даже рядом! Я был в других краях. Встретил — ха! — старого друга! А что ты, парень, собираешься делать? Учебу закончил? Ну точно, точно. Наверное, собираешься стать первоклассным ученым?

Я рассказал ему из наших семейных новостей ровно столько, сколько счел приемлемым, и постарался вывести немного информации о его делах. Но кроме того, что он много путешествовал и сейчас живет где-то в Лондоне, я мало что узнал о дяде Джозефе Кревине и его делах. Завтрак он поглощал с аппетитом, с явным наслаждением, а когда отодвинул тарелку, опустошил чашку и закурил трубку, снова вернулся к камину и отдался воспоминаниям. Но все его рассказы были о семье; казалось, он знает родословные Кревинов и Хекиттов до последнего колена, и, если я пытался сменить тему и перевести разговор на его личные дела, он ловко уходил от них, возвращаясь к той же теме. И мне не удалось ничего выжать из него о нем самом и о том, что он делал все эти долгие годы с его последнего визита в Мидлборн.

Кезайя вернулась домой до обеда. Она вошла в дом неожиданно и сразу узнала дядю Джо Кревина, и, стоило ей только взглянуть на него, ее лицо стало таким, как будто ей только что подали что-то очень неприятное.

— Значит, явился? — сказала она. — После всех этих лет?

— Лучше поздно, чем никогда, Кезайя, — ответил он почти смиренно. — Видишь ли, я по делам в этих краях, решил заглянуть. И надеюсь, приютить меня на ночь не

откажешься, а, Кезайя? И может, тебе понравится услышать, что за это время я сколотил состояние?

Кезайя не сказала, рада она этому или нет, — она ничего не сказала, разве что сухо ответила, что, несомненно, для нашего гостя найдется и кровать, и еда. И я обратил внимание, что она едва пообщалась с дядей Джо: говорили они примерно о том, о чем и он со мной беседовал после завтрака. Днем он ушел один, а потом снова исчез на пару часов: когда он вернулся второй раз, сразу пошел в спальню. И когда его дверь закрылась, Кезайя подошла совсем близко к моему стулу и, осторожно оглядевшись, прошептала:

— Бен! — сказала она. — Он наша плоть и кровь, но такого злобного и подлого негодяя ты в жизни не видел!